

Глава 2

Гу Цин не отвел взгляда. Он смотрел прямо на Мэй Цзибая, чей безупречный костюм индпошива лишь подчеркивал врожденное благородство. Его элегантность не нуждалась в дорогих аксессуарах — она была частью его самого, естественной и неоспоримой.

У Мэй Цзибая была классическая восточная внешность: черты лица лишены резкости, линии губ выверены, а взгляд — спокойный и ясный. В его облике сквозила та соразмерная красота, которая радует глаз, не вызывая оторопи. Он выглядел аристократично благодаря темным, глубоким глазам с удлинённым разрезом, но в то же время от них веяло холодом. Эта дистанция, которую он держал со всем миром, заставляла окружающих невольно тушеваться, не смея проявлять фамильярность.

Однако слова, которые только что произнес Гу Цин, были верхом бесстыдства.

С виду Мэй Цзибай казался благородным мужем, но в делах сердечных он всегда ставил себя выше других. «Ну и что, что нас обручили еще в детстве?» — ярился про себя Гу Цин. Он всей душой ненавидел эту его снисходительную, похожую на подачку симпатию.

Еще когда Мэй Цзибай впервые пришел к нему, чтобы обсудить выполнение брачного уговора, Гу Цин умудрился вдрызг с ним рассориться. Позже, ради собственного расследования, ему пришлось самому навязываться и восстанавливать отношения. Полгода до самой своей гибели он намеренно сближался с ним, заискивал, преследуя свои цели... А Мэй Цзибай? Тот прекрасно видел его насквозь. Видел фальшь, видел корысть, но принимал это с пугающим безразличием, словно игрушку.

Это была не любовь, а забава. Высокомерное покровительство.

Гу Цин чувствовал, что его захлестывает обида, но не мог понять ее истинную причину. Оставалось лишь списывать всё на праведный гнев в адрес подонка.

«Слова мужчины — прах и ложь», — подумал он. Хорошо, что он не поверил ему тогда, иначе конец был бы куда страшнее, чем падение с крыши.

Его пальцы, сжатые в кулаки, мелко дрожали. Он сам не знал, какой ответ хочет услышать, но раз уж вопрос был задан — он ждал.

Мэй Цзибай долго молчал, не сводя с Гу Цина глаз. Наконец он заговорил, и голос его был по-прежнему ровен:

— Я люблю его, Гу Цин. Мои чувства к нему тебя не касаются. Между нами лишь деловой союз, и ничего больше. Ушедших не вернуть, и я прошу тебя проявлять уважение к памяти покойного, а не использовать его имя, чтобы задеть меня.

Гу Цин на мгновение оцепенел, а затем внезапно расхохотался. Он издевательски усмехнулся, и в его взгляде вспыхнул сарказм:

— О, как трогательно! Перед кем ты ломаешь комедию теперь, когда он мертв? Я использую его имя, чтобы злить тебя?.. Да ты сам прикрываешься им как щитом! Твое высокомерие не знает границ. Если считаешь, что никто в этом мире тебя не достоин — воля твоя, но не смей приплетать сюда его.

Любовь? Для Гу Цина это слово в устах Мэй Цзибая звучало как жалкое оправдание.

Мэй Цзибай на секунду прикрыл глаза. Когда он снова открыл их, в чернильной глубине зрачков царило абсолютное спокойствие.

— Свадьба уже назначена. Я не позволю тебе ребячеством навлекать позор на семью Мэй. Все, что выходит за рамки условий брака, обсуждать бессмысленно. Будь благоразумен.

Он развернулся и вышел, не проронив больше ни слова.

Глядя в спину уходящему мужчине, Гу Цин нахмурился. В груди разлилась глухая, необъяснимая горечь. Слово то, что раньше принадлежало ему по праву и давалось так легко, теперь было безвозвратно утрачено. Мэй Цзибай даже спорить с ним не хотел.

Только когда в палату вошла Чжао Вэньцзе, Гу Цин сумел взять себя в руки.

— Брак — это действительно верное решение, — опередил он ее. — Я вел себя эгоистично. Обещаю, что больше проблем не будет.

Чжао Вэньцзе удивилась такой резкой перемене, но, доверяя авторитету Мэй Цзибая, не стала расспрашивать. Это лишь укрепило ее в мысли, что их решение обручить детей было правильным.

По пути из больницы в компанию Мэй Цзибай отдыхал на заднем сиденье автомобиля. Он сидел с закрытыми глазами, лицо его было бесстрастно, и только сплетенные на коленях пальцы выдавали внутреннее напряжение — они едва заметно подрагивали.

Прошло два года. Окружающие избегали называть это имя в его присутствии, но имело ли это значение? То, что невозможно забыть, врезается в сердце клеймом, даже если о нем молчать.

Он не мог забыть. И не хотел.

Часть его самого осталась там, в том дне двухлетней давности.

Мэй Цзибай помнил их последнюю встречу. Юй Цзиньнянь тогда вел себя как ласковый кот, спрятавший когти: улыбался, льнул к нему, мягко называл «братом», лишь потому что нуждался в помощи. Мэй Цзибай был уверен, что у них впереди вечность. Он планировал дожидаться, когда дела семьи Юй уладятся, и тогда... Тогда он еще не знал, что они видятся в последний раз.

Спустя долгое время он открыл глаза и посмотрел в окно. Вспомнив сегодняшнее странное поведение Гу Цина, он нахмурился. Родители обеих семей уже все обсудили, и он дал свое согласие.

Но для него этот брак был не более чем формальностью. Обязательством, и только.

Приняв решение, Гу Цин не стал медлить. За месяц, проведенный в больнице и дома на реабилитации, он досконально изучил мир, в котором оказался спустя два года.

Общаться с «золотой молодежью» вроде Ян Сюя ему было противно, поэтому на все приглашения он отвечал короткими отказами. Прежний владелец тела, настоящий Гу Цин, был глуп и капризен, а вот Ян Сюй — откровенно гнилым человеком. На словах он пекся о друге, а на деле сам же подстрекал его на все дурацкие выходки.

Большую часть времени Гу Цин проводил дома, изредка наведываясь в компанию. Отец, Гу Чжунжуй, отдал сыну сеть ресторанов — якобы «для практики». На самом деле всеми делами заправлял вице-президент, а Гу Цин лишь числился в штате. Но теперь он не собирался пускать все на самотек.

Он с детства знал, что крах семьи Юй и смерть отца были подстроены. Чтобы докопаться до истины, ему было необходимо возвращаться в высшем обществе, поэтому еще в университете он, вопреки воле матери, выбрал специальность «бизнес и управление».

На третьем курсе он познакомился с Мэй Цзибаем. На четвертом, во время практики, при поддержке Мэй Цзибая он скрыл свою личность и устроился в компанию У Цимина помощником Ван Чжэня. Ван Чжэнь был тем самым мелким боссом, которого вместе с ним столкнули с крыши. Убийцей был У Цимин.

Судя по новостям, которые он успел просмотреть перед обмороком, дело о падении с крыши замяли как несчастный случай. Никакого расследования не последовало.

Теперь он должен был продолжить поиски правды, расследуя собственную «смерть». Старые связи в сети все еще работали, и это было его главным козырем.

Родители были в восторге от его преображения: сын остепенился, перестал гулять и проявил интерес к делам фирмы. Объяснение Гу Цина было простым: мол, после удара головой наконец-то мозги встали на место. Осознал, как трудно родителям, понял, каким был дураком, и решил исправиться. Вторая причина — предстоящая свадьба: он якобы не хотел злить семью Мэй и портить партнерские отношения.

Гу Чжунжуй и Чжао Вэньцзе были слишком счастливы, чтобы сомневаться. Гу Цин добавил немного сыновней ласки, и все подозрения окончательно развеялись. В конце концов, кто в здравом уме поверит в переселение душ или возрождение? Все просто решили, что травма пошла ему на пользу.

Кроме того, он учел, что почерк человека не может измениться в одночасье. Он специально демонстрировал родителям и прислуге, что каждый день упражняется в каллиграфии. Так он мог постепенно менять манеру письма под свою настоящую, маскируя это «усердными тренировками».

Самым забавным открытием стало то, что на людях настоящий Гу Цин был без ума от Мэй Цзибая, а в сети оказался его ярим анти-фанатом. Получив доступ к аккаунтам покойного, Юй Цзиньянь долго смеялся.

Это был типичный случай «от любви до ненависти». Похоже, парень восхищался Мэй Цзибаем, но тот, со своим ледяным нравом, даже не смотрел в сторону заносчивого юнца. Обиженный отсутствием внимания, Гу Цин ударился в хейт, но, боясь гнева семьи Мэй, изливал желчь анонимно.

Более того, «маска» анти-фаната оказалась весьма влиятельной. Автор аккаунта рубил правду-матку, сливал инсайды о жизни звезд и богачей, которые со временем подтверждались. У него была огромная аудитория.

Юй Цзиньяню это было не слишком интересно, но статус «анти-фаната Мэй Цзибая»... Что ж, в этом они с покойным были солидарны!

Чувствуя, что Мэй Цзибай стал еще холоднее, чем два года назад, Гу Цин решил собрать о нем побольше информации. Сведения были скудными, но на удивление единодушными.

Писали, что старший молодой господин семьи Мэй — человек исключительного благородства и таланта. Даже богатейшие люди страны пасуют перед его величием. Под его руководством корпорация Мэй достигла небывалых высот.

Но у этого совершенного президента была своя печальная тайна. Говорили, что два года назад некий «подлец» разбил ему сердце, а после того, как этот негодяй почил, Мэй Цзибай и вовсе закрылся от мира. Он остался безупречным джентльменом, но лишился искры жизни, превратившись в прекрасную ледяную статую. Тысячи людей мечтали отогреть этот лед, но никто не мог даже приблизиться к нему.

Гу Цин, читая это, едва не подавился. «Благородный и возвышенный»?

Да он просто капризный, придирчивый зануда!

Аккаунт анти-фаната оказался как нельзя кстати. То, что он не мог высказать в лицо, он с упоением строчил в сети, иначе бы просто лопнул от злости.

Когда все дела были улажены, а новые обязанности распределены, пришло время свадьбы.

Церемония проходила в старом поместье семьи Мэй. Все было очень скромно, чему Гу Цин был несказанно рад. пышное торжество с Мэй Цзибаем стало бы для него верхом неловкости.

Клан Мэй за сотню лет оброс сложными связями, но на свадьбу пригласили лишь самых близких: семью родного дяди Мэй Цзибая и нескольких доверенных друзей. Тетушка Сяотун застряла за границей и приехать не смогла.

Несмотря на малое число гостей, в спальню они попали только к десяти часам вечера.

Войдя в комнату, Гу Цин даже не взглянул на следовавшего за ним Мэй Цзибая. На ходу расстегивая пуговицы пиджака, он побросал часы, запонки и галстук на стол и рухнул на диван.

— Твой дядя на меня волком смотрел, — проворчал он. — Сразу предупреждаю: если он меня не тронет, я промолчу. Но если начнет цепляться — терпеть не стану.

Каждый второй в этом доме так и норовил намекнуть, что он «высочка», которому несказанно повезло, и советовал поджать хвост, чтобы не позорить семью Мэй. Да, разница в статусе была очевидна, и у прежнего Гу Цина была дурная репутация, но слушать эти нравоучения было невыносимо.

Мэй Цзибай неспешно подошел к креслу и сел, стараясь не смотреть на гору аксессуаров, разбросанных по столу.

— Ты мой законный супруг. Если кто-то ведет себя неподобающе, тебе нет нужды быть с ним вежливым.

Гу Цин удивился такому ответу, но продолжил:

— А твой младший брат? Ему же только пятнадцать, типичный «брат-фанат», верно? Видел бы

ты его мину. Если бы не ты, он бы меня на дуэль вызвал.

— Если ты и дальше будешь вести себя так, как последний месяц, он сменит гнев на милость.

Гу Цин хмыкнул. Мальчишка просто считал, что какой-то заносчивый грубиян не пара его «идеальному» старшему брату.

— Понятно. Значит, если он начнет нарываться, мне можно его проучить?

Мэй Цзибай едва заметно улыбнулся:

— Судя по тому, как ловко ты сегодня отбрил дядю, ты весьма сообразителен. Уверен, ты найдешь способ получше.

— Не надо мне льстить, — нахмурился Гу Цин. — Терпеть не могу людей, которые в глаза улыбаются, а за спиной презирают.

Мэй Цзибай оставил это без комментариев. Разговоры о родственниках дяди он решил отложить на потом.

Гу Цин тоже не хотел тратить время на неприятных людей. Он перевернулся на бок и уставился на Мэй Цзибая, невольно цыкнув. Этот мужчина в любой ситуации оставался воплощением самообладания. Каждое его движение, будь то скрещенные ноги или рука на подлокотнике, дышало аристократизмом, который невозможно подделать.

— Господин Мэй, — вкрадчиво начал он, — скажи честно, тебе самому не тошно постоянно держать марку?

Мэй Цзибай парировал с тем же спокойствием:

— А тебе не кажется, что разбрасывать вещи в таком беспорядке — это чересчур?

Гу Цин мельком глянул на стол.

— Я привык к свободе. Убирать за мной не надо, так чего ты лезешь?

Мэй Цзибай проигнорировал выпад. Он встал, достал из папки документ и протянул его Гу Цину:

— Это брак по расчету. Я не планирую играть в чувства. Чтобы наше сосуществование было комфортным, нам необходим Уговор из трёх пунктов. Прошу тебя ознакомиться и

неукоснительно соблюдать его пункты.

Гу Цин с подозрением сел, скинув пиджак. Расстегнув ворот рубашки и засучив рукава, он принялся читать. С каждой строчкой он всё больше удивлялся.

— Ты серьезно? — он вскинул взгляд на Мэй Цзибая, который стоял с видом сурового чиновника. — Это не жизнь, а каторга! Да, у нас союз кланов, но это перебор! Ты что, маньяк контроля?!

Его единственной радостью в жизни был сон. Лечь до одиннадцати — ладно, допустим. Но вставать не позже семи утра?! Ни за что. Он лучше без завтрака останется, чем лишится лишнего часа сна.

За те полгода, что он был близок к Мэй Цзибаю в прошлой жизни, он не замечал за ним такой заикленности на порядке. У него даже были правила, как должны стоять тапочки перед сном! В тюрьме и то вольностей больше.

Мэй Цзибай не стал оправдываться.

— Эти условия были оговорены устно еще до свадьбы. Тогда ты не возражал.

— Я... — Гу Цин осекся. Тогда его здесь еще не было! А за последний месяц никто и словом об этом не обмолвился!

Он попытался пойти на попятную:

— Я передумал! У меня тогда... тогда точно было помутнение рассудка! Как я мог на такое подписаться?! Это же концлагерь какой-то! Где мои права человека?!

Мэй Цзибай был неумолим:

— Подпиши. Затем в душ. В одиннадцать свет гаснет.

Глядя на то, как мужчина спокойно направляется к гардеробной, Гу Цин едва не задохнулся от ярости. Ни объяснений, ни дискуссий — его просто поставили перед фактом. Будто его мнение вообще ничего не значило.

Он вскочил прямо ногами на диван и крикнул вдогонку:

— Мэй Цзибай, слушай сюда! Я это не подпишу! Я не собираюсь этого делать!

Мэй Цзибай остановился и обернулся. Он едва заметно нахмурился, когда увидел Гу Цина на диване.

— Слезь.

— Нет! Сначала соглашайся пересмотреть договор! Убери хотя бы пункт про ранний подъем!

— Не обсуждается.

Этот короткий, как удар хлыста, отказ привел Гу Цина в бешенство. Спокойствие Мэй Цзибая действовало на него как красная тряпка.

— А если бы на моем месте был Юй Цзиньнянь? — выпалил он, вызывающе вздернув подбородок. — Ты бы и от него требовал того же?

Выражение лица Мэй Цзибая почти не изменилось, но в его взгляде что-то опасно блеснуло.

— Он — это он. Ты — это ты. Я отношусь к тебе лишь как к младшему брату, и сравнения здесь неуместны. Гу Цин, ты твердишь, что не любишь меня, так почему же при каждом удобном случае вспоминаешь его? Это просто способ выплеснуть раздражение? Тебя так бесит этот договор?

«Почему вспоминаю?»

«Почему бесит?»

Гу Цин понимал, что Мэй Цзибай видит его насквозь, но что он мог ответить? Он и сам не знал ответа.

— Я же сказал, — процедил он сквозь зубы, — я не выношу лицемерия. Ты никогда не любил Юй Цзиньняня по-настоящему. Зачем этот спектакль с верностью до гроба? Главе корпорации Мэй не к лицу играть роль безутешного влюбленного ради имиджа.

Мэй Цзибай долго молчал. Затем он медленно подошел к дивану и, глядя на Гу Цина снизу вверх, тихо спросил:

— Откуда в тебе такая уверенность? Ты был с ним знаком? Кем ты ему приходился?

Опять ушел от ответа! И снова засыпал вопросами!

Гу Цин хотел было взорваться новой гневной тирадой, но, встретившись с этим тяжелым,

проницательным взглядом, замолк. Смотреть в эти глаза и лгать было почти физически больно, словно он совершал святотатство.

<http://bllate.org/book/17544/1708250>